

УДК 27-725+395.3+329.3

DOI: 10.24411/2224-5391-2020-10209

А. В. Мангилёва

ГОРОДСКОЕ ДУХОВЕНСТВО СРЕДНЕГО УРАЛА В ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XIX в. ПО ДАННЫМ КЛИРОВЫХ ВЕДОМОСТЕЙ: ВЕРХОТУРЬЕ

Аннотация. Статья основана на данных клировых ведомостей за 1806, 1807, 1808, 1817 и 1818 г. о духовенстве города Верхотурья. Статья стала продолжением исследования изменений социальных стратегий уральского духовенства в первой четверти XIX в. В предшествующих работах на основании анализа данных клировых ведомостей процветающего ярмарочного центра Ирбита и его уезда было установлено, что в этот период наиболее важным социальным ресурсом местного духовенства были родственные связи, которые помогали разветвленным семьям клириков держать под контролем несколько близко расположенных приходов. Постепенно растет значение образования, но выпускники семинарии, направляемые в Ирбит для занятия административных должностей, не пытались устроить здесь же своих сыновей, поскольку чувствовали значительное давление со стороны местных родов.

В Верхотурье, в отличие от Ирбита, в начале XIX в. наблюдался экономический упадок, который пришел на смену подъему XVII столетия. От этого периода подъема в городе остались 5 приходских храмов, что было слишком много для местного населения. Соответственно, достаток местного духовенства клировые ведомости оценивали как «посредственный». Абсолютное большинство городских клириков имели родню в городе или в уезде. При этом образование ценилось, видимо, достаточно низко, поскольку конкурентная борьба за штатные места была выражена слабее, чем в Ирбите. Родственные связи использовались не столько для продвижения, сколько для сохранения стабильного положения. Из семинарии сюда возвращались в первую очередь те, кто предпочитал неопределенности в другом, пусть даже более перспективном и доходном месте, знакомую обстановку и поддержку родственников.

Среди фамилий верхотурского духовенства встречаются достаточно редкие, не распространенные в других уездах Пермской губернии.

Очевидно, их носили представители старых родов, связанные с Верхотурьем на протяжении многих поколений. Во второй половине XIX в. эти фамилии из списков духовенства исчезают, на место старых кланов приходят представители других семей, которым удалось лучше приспособиться к изменившимся условиям.

Ключевые слова: *Верхотурье, городское духовенство, социальные стратегии, родственные связи, уровень образования.*

Цитирование. Мангилёва А. В. Городское духовенство Среднего Урала в первой четверти XIX в. по данным клировых ведомостей: Верхотурье // Вестник Екатеринбургской духовной семинарии. 2020. № 2 (30). С. 172–186. DOI: 10.24411/2224-5391-2020-10209

Сведения об авторе. Мангилёва Анна Владимировна — доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры церковной истории и филологии Екатеринбургской духовной семинарии (Россия, г. Екатеринбург). E-mail: mangileva-anna@yandex.ru

Поступила в редакцию 15.02.2020

Принята к публикации 23.03.2020

Петровские реформы, сделавшие Церковь частью государственного аппарата, породили противоречие между сословным статусом белого духовенства и фактическим превращением приходских клириков в государственных служащих. Принадлежность сыновей клириков к духовному сословию приводила к росту численности претендентов на церковные места, тогда как количество государственных служащих должно было регулироваться реальной потребностью в них. Соответственно, на протяжении всего XVIII в. законодательно вводятся различные ограничения на занятие приходских должностей. К концу XVIII в. священники могли оставить при себе лишь одного из сыновей, приходские выборы кандидатов на священнические места утратили силу, замещать священнические вакансии рекомендовалось выпускниками семинарий. Последняя мера имела лишь рекомендательный характер, поскольку на востоке страны, в том числе и на Урале, не было достаточного количества лиц, отвечающих этому условию.

Дефицит образованных кадров создавал для уральского духовенства ряд возможностей получения выгодных мест в обход существующе-

го законодательства. Условия, в которых приходилось действовать каждому претенденту на приходское место, могли значительно отличаться, а это, в свою очередь, определяло и стратегию его действий в борьбе за жизненное благополучие. Материал клировых ведомостей дает возможность определить, какие социальные стратегии использовались приходским духовенством в борьбе за приходские места в зависимости от конкретных исходных условий. На примере центра ярмарочной торговли города Ирбита и его уезда была сделана попытка проанализировать, как духовенство приспосабливалось к новым условиям, возникшим на рубеже XVIII–XIX в.

В результате анализа данных клировых ведомостей удалось установить, что в первой трети XIX в. в Ирбите и его уезде значительная часть штатных мест при храмах была занята представителями нескольких разветвленных родов. Уровень образования при поставлении на места мало учитывался, если речь не шла о представителях церковной администрации. Постепенно значение духовного образования возрастало, но принцип наследования штатных мест продолжал играть важную роль. Лица с высоким уровнем образования, получившие благодаря этому должности благочинных и членов духовного правления, не пытались пристроить своих сыновей поближе к себе, поскольку конкуренция со стороны местных влиятельных родов была, очевидно, достаточно сильна. Кроме того, они уже на собственном примере убедились, что семинарское образование позволит получить желаемое место и без протекции со стороны родственников. Слишком разросшийся род не мог обеспечить хорошими местами всех, наименее защищенные его представители вытеснялись на периферию, были вынуждены покидать родные места. В случае удачи, они могли стать основателями нового сильного рода¹.

Такая ситуация сложилась в достаточно благополучном Ирбитском уезде. Насколько она была характерна для других мест, можно ли распространить выводы, сделанные на основе ирбитских данных, на остальное духовенство? В настоящей статье предлагается рассмотреть ситуацию в соседнем с Ирбитом городе Верхотурье в это же время. В основу статьи легли данные клировых ведомостей Верхотурья за 1806,

¹ Мангилёва А. В. Православное духовенство города Ирбита в первой трети XIX века (на основе данных клировых ведомостей) // Вестник Челябинского государственного университета. 2011. № 1 (216). С. 114–123; *Ее же*. Социокультурный облик приходского духовенства Пермской губернии в XIX — начале XX в. Екатеринбург, 2015. С. 192–228.

1807, 1808, 1817 и 1818 г.² Всего в данных ведомостях содержатся сведения о 30 служащих клириках верхотурских храмов.

Расцвет Верхотурья в XVII в. был связан с выгодным положением на Бабиновской дороге, связывавшей Прикамье с Сибирью. В это время в городе шло активное строительство храмов, рассчитанных не только на местное население, но и на прибывающих в город торговцев. Первым городским храмом стал Троицкий собор, затем были построены Воскресенская, Богородице-Одигитриевская, Спасская и Знаменская церкви³. Помимо этого, в XVII столетии здесь были основаны два монастыря — мужской Свято-Николаевский и женский Покровский, при обителях были воздвигнуты храмы⁴.

В XVIII в. торговое значение Верхотурья резко упало. Новая дорога прошла через Екатеринбург. В 1763 г. была закрыта верхотурская таможня⁵. Однако при проведении губернской реформы город получил статус уездного центра, так что в нем находились соответствующие административные органы. Новым центром притяжения приезжих становится Свято-Николаевский монастырь, в который были перенесены мощи святого праведного Симеона Верхотурского. Для размещения мощей был построен новый Николаевский каменный храм, Успенскую деревянную церковь монастырь передал насельникам Покровской обители, а к Покровской церкви были приписаны прихожане в городе⁶. Покровскому монастырю принадлежала еще одна приходская церковь — Иоанно-Предтеченская, построенная в XVIII в. на средства крупного заводовладельца М. М. Походяшина.

Количество храмов к концу XVIII в. было явно велико для городского населения, поэтому духовенству городских церквей приходится

² ГАСО. Ф. 6 (Екатеринбургская духовная консистория). Оп. 2. Д. 424, 426, 429, 436, 437. В статье рассматривается только городское духовенство, поскольку экономическая ситуация в Верхотурском уезде была слишком неоднородной: достаточно сравнить приходящее в упадок Верхотурье и Нижнетагильский завод.

³ Еще один храм XVII в. — Рождественский — не сохранился (История екатеринбургской епархии. Екатеринбург, 2010. С. 39–40).

⁴ Там же. С. 86–87, 90.

⁵ «Экономическое значение Верхотурья в последней трети XVIII в. ограничивалось местной округой. Лишь продукция большого юфтяного завода да рогожи вывозились местными торговцами на Троицкую и Ирбитскую ярмарки и в Сибирь» (История Урала с древнейших времен до 1861 г. М., 1989. С. 290).

⁶ Приходы и церкви Екатеринбургской епархии. Екатеринбург, 1902. С. 182.

надеяться только на паломников, посещающих Николаевский монастырь. В 1814 г. духовенство и прихожане Одигитриевской церкви были приписаны к Троицкому собору. После этого в городе стало считаться пять приходских храмов — Троицкий собор, Воскресенская, Знаменская, Покровская и Иоанно-Предтеченская церкви. Таким образом, в начале XIX в. Верхотурье являлось мелким административным центром с постепенно приходящей в упадок экономикой. Количество храмов свидетельствовало лишь о былом влиянии.

Самым крепким городским кланом выглядят Бабайловы. Наибольшего успеха среди них достиг Иван Иванович Бабайлов (1755 г. р.), служивший священником в Троицком соборе с 1792 г. До рукоположения во священника он также служил в соборе, был женат на дочери верхотурского мещанина⁷, то есть с городом был связан всю свою жизнь очень тесно. Старший брат священника Федор (1746–1808?) всю жизнь служил дьячком при Воскресенской церкви⁸. Он также был женат на мещанке, причем, судя по тому, что служил он на одном месте, то и жену, скорее всего, приискал тут же, в Верхотурье.

Самый старший из братьев Бабайловых, Василий (1745 г. р.), служил неподалеку, на Меркушинском погосте, тесно связанном с Верхотурским Николаевским монастырем культом святого праведного Симеона Верхотурского. Он, как и Федор, всю свою жизнь был пономарем при местной Михайловской церкви. Женат он был на крестьянке и дочь выдал замуж за местного крестьянина. В последние годы жизни уволенный от службы престарелый пономарь жил на содержании зятя⁹. О братьях Василия в клировой ведомости сказано, что они «не очень достаточны»¹⁰.

Интересно, что Иван и Федор Бабайловы, сами не получившие специального образования, позаботились об обучении не только сыновей, но и дочерей (их научили грамоте). Единственным исключением, отмеченным в ведомостях, стал сын священника Ивана пономарь Иван Бабайлов. В 1806 г. 16-летний Иван был посвящен в стихарь к Одигитриевской церкви, а его старший брат Константин в это время учился в семинарии. Проживал Иван в доме отца и вел с ним совместное хозяй-

⁷ ГАСО. Ф. 6. Оп. 2. Д. 424 (Клировая ведомость Верхотурского уезда за 1806 г.). Л. 1 об. – 2.

⁸ Там же. Л. 5 об. – 6.

⁹ Там же. Л. 36 об. – 37; Д. 437. Л. 30 об. – 31.

¹⁰ Там же. Д. 424. Л. 36 об.

ство, так что разделял с ним «посредственный достаток». После женитьбы на дочери дьячка он был в 1814 г. рукоположен во диакона к Покровскому храму. При этом от отца он так и не отделился, то ли по причине бедности, то ли по причине старости отца¹¹.

Сын Федора Бабайлова Андрей (1783 г. р.) проучился только до синтаксимы и был в 1799 г. определен дьячком в Кушвинский завод, впрочем, уже в 1800 г. он вернулся в Верхотурье и поступил на пономарское место к Знаменской церкви. Женился он на дочери диакона, но вряд ли это отразилось на его служебном положении, тем более что тесть среди его родни не указан. В 1808 г. Андрей Бабайлов переведен на место своего умершего отца в Воскресенскую церковь и принял на себя содержание матери и сестер. В 1817 г. он был рукоположен во священника к Воскресенской церкви. Брат Андрея Василий служил подканцеляристом в Верхотурском духовном правлении¹².

Последний член рода Бабайловых — пономарь Покровского храма Иван Семенович (1793 г. р.). Среди родственников его указаны священник Иван и пономарь Василий, причем оба они обозначены как его деды. Поскольку Василий назван первым, можно предположить, что он был родным дедом пономаря. Пономарем он был назначен в 1806 г., в возрасте 13-ти лет. Вероятно, именно тогда он лишился отца или обоих родителей (мать не указана) и был пристроен к церкви под надзор священника Ивана. Отец его тоже служил в Верхотурье (подросток живет в родительском доме). После 1808 г. сведения о нем пропадают¹³.

Перебрались в Верхотурье из других мест два брата Дягилевы, сыновья диакона. Николай Алексеевич Дягилев (1791 г. р.) получил место дьячка в Чусовском Верхнем Городке Пермского уезда в 1806 г. В 1812 г. он был переведен в Троицкий собор, а в 1816 г. рукоположен во диакона¹⁴. Петр Алексеевич Дягилев (1788 г. р.) был поставлен дьячком к церкви Петропавловского завода Верхотурского уезда в 1804 г. При нем значатся его мать, младший брат и две сестры: вероятно, отец служил именно здесь. В 1812 г. он рукоположен во диакона в Троицкий собор, а в 1817 г.

¹¹ ГАСО. Ф. 6. Оп. 2. Д. 424. Л. 13 об. – 14; Д. 429. Л. 19 об. – 20; Д. 436. Л. 5 об. – 6; Д. 437. Л. 9 об. – 10.

¹² Там же. Д. 424. Л. 11 об. – 12; Д. 436. Л. 3 об. – 4.

¹³ Там же. Д. 424. Л. 9 об. – 10; Д. 429. Л. 12 об. – 13.

¹⁴ Там же. Д. 436. Л. 1 об. – 2.

переведен к Знаменской церкви¹⁵. Похоже, что братьев стали пристраивать на места после смерти отца, но интересно, что в результате они оба оказались в Верхотурье.

Еще раньше в Верхотурье попадает их двоюродный брат Иван Федорович Дягилев (1783 г. р.). Он не был сиротой, но его отец, священник Кошайского погоста Верхотурского уезда, имел большую семью, при этом вел нетрезвый образ жизни¹⁶. В 1799 г. Иван был назначен дьячком в Николае-Павдинский завод, а в 1805 г. переведен в собор¹⁷. Единственный человек, который связывал всех троих с Верхотурьем — их дед, иеромонах Верхотурского Николаевского монастыря Амвросий. Может быть, дед отслеживал освобождение подходящих мест при храмах, чтобы взять внуков под свой надзор, хотя для этого он должен был обладать определенным влиянием. Тем не менее, Дягилевы в Верхотурье выглядят людьми достаточно случайными.

В отличие от них священник Иван Иванович Дуранин (1766 г. р.) изначально был связан с городом. В 1781 г. он был назначен дьячком в Троицкий собор, в 1788 г. рукоположен во диакона к Знаменской церкви, сан священника получил в 1794 г. Женат он был на дочери верхотурского купца¹⁸. В 1813 г. он пристроил на место пономаря при Знаменской церкви своего сына Семена (1797 г. р.), обучавшегося в семинарии по средний грамматический класс¹⁹. При этом их ближайшим родственником оказывается брат священника Стефан Дуранин, который также служит священником в Тобольской епархии²⁰.

Значительно благополучнее выглядят отец и сын Белоусовы. Священник Семен Иванович Белоусов (1770 г. р.) окончил курс семинарии, в 1787 г. стал дьячком при Воскресенской церкви в Тобольске. Во диакона и во иерея он был рукоположен также в Тобольске, но в 1797 г. был по прошению переведен к Воскресенскому храму Верхотурья. Прошение его можно объяснить тем, что отец его служил в Салдинском заводе Верхотурского уезда, так что о. Симеон возвращался на родину. Братья

¹⁵ ГАСО. Ф. 6. Оп. 2. Д. 424. Л. 26 об. – 27; Д. 436. Л. 7 об. – 8.

¹⁶ Там же. Д. 424. Л. 32 об. – 33; Д. 437. Л. 32 об. – 33.

¹⁷ Там же. Д. 424. Л. 3 об. – 4.

¹⁸ Там же. Л. 11 об. – 12.

¹⁹ Там же. Д. 436. Л. 7 об. – 8.

²⁰ Там же. Д. 424. Л. 11 об.

его, кстати, не стали связывать свою жизнь с церковным служением; один из них стал военным врачом (ученики семинарий были основными кандидатами на обучение в Медико-хирургической академии), а другой «вышел в купечество в Енисейске». В 1808 г. о. Симеон будет произведен в протоиерея. Кроме того, с 1799 г. он был присутствующим Верхотурского духовного правления и благочинным (его рукой сделаны пометки о поведении и «исправности по должности» духовенства в клировой ведомости за 1807 г.)²¹

Сын о. Симеона Александр Белоусов (1798 г. р.) в 1818 г. значится диаконом при Воскресенской церкви. Он обучался в семинарии по риторике²², а рукоположен был, возможно, в связи со смертью своего отца (мать его в 1817 г. названа вдовой, Александр в это же время еще находился в семинарии)²³.

Похоже, происходят из коренных верхотурцев двоюродные (?) братья Павловы. Петр Михайлович Павлов (1777–1818) был поставлен в пономари на Меркушинский погост в 1788 г., а в 1803 г. произведен в диаконы к Воскресенской церкви²⁴. В клировой ведомости за 1817 г. напротив его имени стоит отметка: «Онный Дьякон помер в марте м[еся]це сего 1818 года, а на место его произведен Александр Белоусов». Примечательно, что место занял сын умершего священника, тогда как сын диакона Макар, который к тому же был старше Александра на два года, так что больше подходил по возрасту, продолжил свое обучение в семинарии²⁵. Возможно, круглый сирота Макар не стал бороться за принадлежавшее ему по традиции отцовское место, рассудив, что окончание семинарского курса даст ему больше возможностей.

Его дядя диакон Алексей Андреевич Павлов (1784 г. р.) к тому времени покинул Верхотурье. Начинал он дьячком при Знаменской церкви (1798 г.), в 1804 г. был переведен в Соликамск, а в 1807 г. вернулся в Знаменскую церковь Верхотурья в качестве диакона. Связь с Соликамском у его семьи, видимо, тоже была достаточно прочная: его брат служил там

²¹ ГАСО. Ф. 6. Оп. 2. Д. 424. Л. 5 об. – 6; Д. 426. Л. 5 об. – 6; Д. 429. Л. 5 об. – 6.

²² Там же. Д. 437. Л. 5 об. – 6.

²³ Там же. Д. 436. Л. 3 об. – 4. Кстати, купец Василий Белоусов к тому времени тоже перебрался из Енисейска в родные места и проживал в Ирбите.

²⁴ Там же. Д. 424. Л. 5 об. – 6.

²⁵ Там же. Д. 436. Л. 3 об. – 4; Д. 437. Л. 6 об.

в чине титулярного советника, а позднее Алексей отправит туда своего младшего брата в «народное училище». Не исключено, что Павловы, несмотря на неприязнительность фамилии, относились к старейшим уральским родам, связанным с прежними экономическими центрами. В 1810 г. Алексей будет переведен в Троицкий собор, а в 1811 г. рукоположен к Спасской церкви Красногорского села Верхотурского уезда. В 1818 г. у него «дом хороший», «2 лошади; рогатого 5; овец 7; свиней 2; козлов 3; кур 9; гусей 2». Кроме того, о. Алексей занимался земледелием²⁶. На фоне постоянно встречающихся отметок о «посредственном достатке» верхотурского духовенства это выглядит подлинным процветанием.

В конце рассматриваемого периода в Верхотурье появляются братья Петровы. Никанор Васильевич Петров (1804 г. р.) был определен пономарем к Покровской церкви в 1816 г.²⁷ Пономарь Петр Васильевич Петров (1799 г. р.) перебрался в Верхотурье в 1817 г. из Молебского завода Красноуфимского уезда, где он служил с 1811 г., и получил место при Троицком соборе²⁸. Другая родня братьев не указана, но какие-то связи в Верхотурье у них могли существовать. Их отец Василий Петрович Петров начинал свое служение в 1795 г. в Одигитриевской церкви в качестве пономаря, в 1802 г. он получил священническое место в Николае-Павдинском заводе. Возможно, в Верхотурье проживала родня его жены, дочери диакона. Овдовев, она вместе с младшими детьми переехала в Верхотурье и числилась среди сиротствующих при Троицком соборе²⁹.

Дьячок Стефан Ефимович Хомяков (1803 г. р.) имел брата-пономаря, служащего в Верхотурском монастыре³⁰ (не указано — в каком; данных о белом духовенстве, служившем в монастырских храмах, в клировых ведомостях нет). Еще девять клириков не имели родни в самом городе, но их родственники служили в Верхотурском уезде. Пятеро из них сразу же получили назначения к городским храмам³¹. Причем один из них — пономарь Василий Федорович Старцов — проживал «в отцовском доме», то есть и его отец служил до выхода за штат в городе. По-

²⁶ ГАСО. Ф. 6. Оп. 2. Д. 426. Л. 13 об. – 14; Д. 436. Л. 15 об. – 16; Д. 437. Л. 25 об. – 26.

²⁷ Там же. Д. 436. Л. 5 об. – 6.

²⁸ Там же. Л. 1 об. – 2.

²⁹ Там же. Д. 424. Л. 18 об. – 19; Д. 436. Л. 1 об. – 2.

³⁰ Там же. Д. 436. Л. 5 об. – 6.

³¹ Там же. Д. 424. Л. 6 об. – 7, 9 об. – 10; Д. 436. Л. 3 об. – 4; 5 об. – 6; Д. 437. Л. 13 об. – 14.

номарь Василий имеет также пометку «обучался», но по какой класс — не указано³². Скорее всего, он лишь начал обучение в духовной школе.

Диакон Михаил Васильевич Лялинский (1766 г. р.) начинал службу в Тобольске, вероятно, еще во время обучения в семинарии — был певчим. Обучался он «по поэзию», женился на дочери тобольского мещанина. Место получил, судя по всему, после того, как его отец-священник был пострижен в монашество и стал насельником Верхотурского Свято-Николаевского монастыря³³. Еще три человека до перевода в город служили на других приходах Верхотурского уезда³⁴.

У диакона Григория Николаевича Семерикова (1752 г. р.) родня из духовного сословия в городе и уезде не указана. Служить он начал пономарем при Покровском храме в 1765 г., здесь же стал диаконом в 1775 г. Единственные его родственники, указанные в ведомости, — мещане Федор и Дмитрий Клевцовы, видимо, племянники его жены, происшедшей из мещан³⁵. Судя по возрасту, в котором он был поставлен в пономари, «духовная» родня в городе у него все же когда-то имелась, да и диаконом он стал рановато для необучавшегося в школе человека без протекции.

Священник Андрей Иванович Кузовников (1779 г. р.) также нигде не обучался. В его послужном списке прослеживается другая тактика: он меняет приходы, причем разбросанные на большие расстояния. Вероятно, находя новые места, он улучшает как свое материальное, так и социальное положение. Во священника он был рукоположен к Одигитриевской церкви, которая вскоре утратит самостоятельность — вероятно, из-за бедности прихода. Здесь он долго не задержался и был переведен к Сретенской церкви Салдинского погоста Верхотурского уезда³⁶.

Еще три человека, в сведениях у которых нет родни в Верхотурском уезде, были связаны с соседним Ирбитским уездом. Обучавшийся по грамматике дьячок Игнатий Ильич Слобцов (1788 г. р.) был назначен

³² ГАСО. Ф. 6. Оп. 2. Д. 429. Л. 7 об. – 8. К этой же группе клириков, изначально служивших при верхотурских храмах, относится запрещенный священник Афанасий Максимович Будрин, обучавшийся «по риторике» (Там же. Д. 436. Л. 3 об. – 4).

³³ Там же. Д. 424. Л. 2 об. – 3; Д. 429. Л. 2 об. («дом имеет родительский»).

³⁴ Там же. Д. 424. Л. 3 об. – 4; Д. 437. Л. 2 об. – 3, 3 об. – 4.

³⁵ Там же. Д. 424. Л. 8 об. – 9 об.

³⁶ Там же. Д. 426. Л. 17 об. – 18; Д. 436. Л. 13 об. – 14.

на эту должность к Знаменскому храму в 1805 г. Претендовать на что-то большее он не смог бы, потому что был «глух и косноязычен»³⁷.

Гораздо более высокое место в иерархии городского духовенства занимают два священнослужителя. Священник Тимофей Васильевич Арефьев (1759 г. р.) окончил курс семинарии, службу начинал пономарем в Тобольске, во иерея был рукоположен в 1785 г. к Покровской церкви Верхотурья. Образованный священник «с 1792 г. исправляет должность депутата и увещателя преступников при допросах по всем присутственным местам г. Верхотурья. С 1796 г. — присутствующий Верхотурского духовного правления»³⁸.

Штат Троицкого собора в 1817 г. возглавляет протоиерей Антиох Яковлевич Парышев (1787 г. р.). Несмотря на то, что обучался он только по философию, в священника он был рукоположен уже в возрасте 22 лет к ирбитскому Богоявленскому собору. Возможно, он был поставлен на место своего отца священника Якова Парышева. Овдовевший о. Яков привлекал к себе внимание консистории, явно стремившейся по традиции отправить его в монастырь. В 1803 г. благочинный отмечал, что 55-летний Яков Парышев «читает невнятно, петь по нотам не умеет»³⁹ (при том, что в бытность свою в Тюмени он «послан был к иноверным за проповедью» и «был увещателем отпавших»⁴⁰ — вряд ли такие поручения дали бы человеку, не производящему должного впечатления). В конечном итоге о. Яков был пострижен в монашество⁴¹, а место досталось его младшему сыну, несмотря на то, что ему было еще очень далеко до требуемого канонами тридцатилетнего возраста. Уже в 1812 г. Антиох Парышев был назначен на протоиерейское место в Верхотурье, а место в Ирбите занял его брат Яков. Причины такого быстрого продвижения понять довольно сложно, тем более что Антиох не получил никаких дополнительных должностей, которые обычно возлагались на настоятелей городских соборов⁴².

Таким образом, все выявленные штатные клирики г. Верхотурья были связаны либо с самим городом, либо с его уездом, либо, на худой

³⁷ ГАСО. Ф. 6. Оп. 2. Д. 424. Л. 11 об. — 12.

³⁸ Там же. Л. 8 об. — 9.

³⁹ Там же. Д. 420 (Клировая ведомость Ирбитского уезда 1803 г.). Л. 1 об.

⁴⁰ Там же. Д. 421 (Клировая ведомость Ирбитского уезда за 1805 г.). Л. 3.

⁴¹ Там же. Д. 435 (Клировая ведомость Ирбитского уезда за 1816 г.). Л. 7 об.

⁴² Там же. Д. 436. Л. 1 об. — 2.

конец, с соседним уездом. Это можно считать свидетельством того, что Верхотурье не считалось особо привлекательным в смысле условий жизни и службы местом и стремились устроиться здесь лишь те, кто происходил из этих мест и мог рассчитывать в случае необходимости на поддержку родни.

Из 10-ти человек, обучавшихся в духовной школе, лишь трое смогли дойти до высших классов — философии и богословия, причем один из них — Симеон Белоусов — не стал добиваться, чтобы и его сын окончил семинарский курс, видимо, решив, что для Верхотурья достаточно неполного образования и отцовской поддержки. Церковнослужители, обучавшиеся в младших классах семинарии, показывают, однако, что такой уровень образования без поддержки влиятельных родственников уже не обеспечивал получения священнослужительского сана.

Семеро церковнослужителей еще не были женаты, у одного происхождение жены не указано. Девять человек из оставшихся 22-х (41 %) были женаты на дочерях клириков. Из них три церковнослужителя были женаты на дочерях священнослужителей (в том числе — «бесперспективный» Игнатий Слобцов), один церковнослужитель и один священник — на дочерях дьячков. Четверо священнослужителей были женаты на дочерях священнослужителей. Большинство клириков (13 — 59 %) были женаты на представительницах других сословий. Шесть человек были женаты на мещанках, один — на дочери мастерового, один — на дочери купца. К горожанкам можно отнести также дочерей канцеляриста, казака и «городового ямщика» (Алексей Павлов начинал служить дьячком в Знаменской церкви, находившейся в Ямской слободе Верхотурья). Лишь Тимофей Арефьев и дьячок Яков Васильевич Дерябин⁴³ были женаты на крестьянках. В общем и целом можно сказать, что значительная часть верхотурского духовенства и жен себе подыскивала среди городского населения. Вряд ли это было сознательным предпочтением, скорее этот факт свидетельствует, что эти лица были связаны с городом давними узами, были выходцами из семей городского духовенства.

В заключение можно сказать, что для духовенства Верхотурья в первые два десятилетия XIX в. были характерны те же процессы, что и для духовенства Ирбита, но социальные стратегии здешних клириков отличались более выраженным консерватизмом. Образование не особо

⁴³ ГАСО. Ф. 6. Оп. 2. Д. 424. Л. 9 об. — 10.

ценилось, поскольку конкурентная борьба за штатные места была выражена слабее, а родственные связи использовались не столько для продвижения, сколько для сохранения стабильного положения. Из семинарии сюда возвращались в первую очередь те, кто предпочитал знакомую обстановку и поддержку родственников неопределенности в другом, пусть даже более перспективном и доходном месте.

Характерно, что некоторые фамилии местных клириков встречаются только в Верхотурском уезде. Очевидно, их носили представители старых родов, связанные с Верхотурьем на протяжении многих поколений. Единственный Бабайлов в Екатеринбургском уезде был переведен туда из Верхотурского после суда над ним⁴⁴. Священник Дмитрий Васильевич Лялинский⁴⁵ (родной брат Михаила) и его сын священник Никандр служили в Глинской и Черемисской слободах, которые в клировых ведомостях принадлежали первоначально к Верхотурскому, а затем — к Екатеринбургскому уездам⁴⁶. Согласно данным адрес-календаря Екатеринбургской епархии на 1887 г., фамилии Бабайловых и Лялинских среди духовенства епархии уже не встречались⁴⁷. Либо эти семьи духовенства прекратили свое существование, либо их представители покинули духовное сословие. Тесная связь верхотурского духовенства с горожанами, нежелание отделяться от них путем заключения браков в своей среде, делает второй вариант развития событий вполне правдоподобным. Их место заняли другие, более гибкие в социальном плане семьи.

Источники

1. Адрес-календарь Екатеринбургской епархии. Екатеринбург, 1887.
2. ГАСО (Государственный архив Свердловской области). Ф. 6 (Екатеринбургская духовная консистория). Оп. 2. Д. 420, 421, 424, 426, 429, 435, 436, 437.
3. Приходы и церкви Екатеринбургской епархии. Екатеринбург, 1902.

⁴⁴ ГАСО. Ф. 6. Оп. 2. Д. 548 (Клировая ведомость Екатеринбургского уезда за 1856 г.). Л. 66 об. – 67 (священник Николай Иванович Бабайлов).

⁴⁵ Сама фамилия Лялинский происходит от названия реки Ляля, в XVII в. также встречается только в Верхотурье (Мосин А. Г. Исторические корни уральских фамилий. Екатеринбург, 2008. С. 233). На реке Ляля в Верхотурском уезде был построен Лялинский погост (село Караульское).

⁴⁶ ГАСО. Ф. 6. Оп. 2. Д. 424. Л. 64 об. – 65; Д. 436. Л. 42 об. – 43.

⁴⁷ Адрес-календарь Екатеринбургской епархии. Екатеринбург, 1887. С. 136, 142.

Литература

1. История Екатеринбургской епархии. Екатеринбург, 2010.
2. История Урала с древнейших времен до 1861 г. М.: Наука, 1989.
3. Мангилёва А. В. Православное духовенство города Ирбита в первой трети XIX века (на основе данных клировых ведомостей) // Вестник Челябинского государственного университета. 2011. № 1 (216). С. 114–123.
4. Мангилёва А. В. Социокультурный облик приходского духовенства Пермской губернии в XIX — начале XX в. Екатеринбург, 2015.
5. Мосин А. Г. Исторические корни уральских фамилий. Екатеринбург, 2008.

Anna V. Mangileva

URBAN CLERGY OF THE MIDDLE URALS IN THE FIRST QUARTER OF THE 19TH CENTURY ACCORDING TO CLERIC LISTS: VERKHOTURYE

Abstract. The article is based on the information of the Cleric lists for 1806, 1807, 1808, 1817 and 1818, concerning priesthood of the Verkhoturye city. It is a continuation of the study on how the social strategies of the Ural Clergy have changed in the first quarter of the 19th century. According to the previously published research the analysis of the Cleric lists of the prosperous Irbit fair center and its district has shown that during this period the most important social resource of local priesthood was family ties which helped the ramified families of clergymen to control several parishes located close to one another. The significance of education was gradually growing and yet the seminary graduates who were sent to Irbit for administrative posts did not try to fill vacancies by their sons here as they felt strong pressure from local clans. In the early 19th century the city of Verkhoturye, unlike Irbit, experienced economic decline, which replaced the rise of the 17th century. And the five parish churches appeared in Verkhoturye as a result of that economical rise turned to be too many for the local population. Due to this the wealth of local clergy was reported in cleric records as “mediocre”. The vast majority of city clergymen had relatives in the city or county. Apparently, education was not much appreciated as the competition for regular positions was not as intense as in Irbit. And family ties were used not so much for promotion as for maintaining a stable position. Those who preferred the familiar environment and support of relatives rather than some uncertainty even at a more profitable and promising place returned here after seminary. There is a number of quite rare family names among the clergymen of Verkhoturye which are not widespread in other districts of the Perm province. Evidently, these family names belonged to the old clans connected with Verkhoturye for many generations. In the second half of the 19th century such family names disappeared from cleric lists as the representatives of other clans who had managed to better adapt to the changing conditions were replacing the old ones.

Keywords: *Verkhoturye, urban clergy, social strategies, family ties, educational level.*

A. B. Мангилёва

Citation. Mangileva A. V. Gorodskoe dukhovenstvo Srednego Urala v pervoi chetverti XIX v. po dannym klirovnykh vedomostei: Verkhoturie [Urban Clergy of the Middle Urals in the First Quarter of the 19th Century According to Cleric Lists: Verkhoturye]. *Vestnik Ekaterinburgskoi dukhovnoi seminarii* — *Bulletin of the Ekaterinburg Theological Seminary*, 2020, no. 2 (30), pp. 172–186. DOI: 10.24411/2224-5391-2020-10209

About the author. Mangileva Anna Vladimirovna — Dr. hab. (History), Associate Professor, Professor of the Department of Church History and Philology of the Ekaterinburg Theological Seminary (Russia, Ekaterinburg). *E-mail:* mangileva-anna@yandex.ru

Submitted on 15 February, 2020

Accepted on 23 March, 2020

References

1. *Adres-kalendar' Ekaterinburgskoi eparkhii* [Address Guide of the Ekaterinburg Diocese]. Ekaterinburg, 1887.
2. *Istoriia Ekaterinburgskoi eparkhii* [History of the Ekaterinburg Diocese]. Ekaterinburg, 2010.
3. *Istoriia Urala s drevneishikh vremen do 1861 g.* [History of the Urals from Ancient Times to 1861]. Moscow, 1989.
4. Mangileva A. V. Pravoslavnoe dukhovenstvo goroda Irbita v pervoi treti XIX veka (na osnove dannyykh klirovnykh vedomostei) [Orthodox Clergy of Irbit in the First Third of XIX Century (Applied to Cleric Lists)]. *Vestnik Cheliabinskogo gosudarstvennogo universiteta* — *Bulletin of Chelyabinsk State University*, 2011, no. 1, pp. 114–123.
5. Mangileva A. V. *Sotsiokul'turnyi oblik prikhodskogo dukhovenstva Permskoi gubernii v XIX — nachale XX v.* [Social and Cultural Image of the Parish Clergy of Perm Province in the 19th — Early 20th Century]. Ekaterinburg, 2015.
6. Mosin A. G. *Istoricheskie korni ural'skikh familii* [Historical Roots of the Ural Surnames]. Ekaterinburg, 2008.
7. *Prikhody i tserkvi Ekaterinburgskoi eparkhii* [Parishes and Churches of the Ekaterinburg Eparchy]. Ekaterinburg, 1902.